



Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 35, Is. 1, pp. 98–104, 2018
DOI 10.22162/2075-7794-2018-35-1-98-104
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 39(571.54)+39(510)

Commemoration of the Dead: Beliefs and Superstitions of the Mordvins

*Ivan I. Potapkin*¹

¹ Postgraduate Student, Humanities Research Institute Affiliated to the Government of the Republic of Mordovia (Saransk, Russian Federation). E-mail: Ian-2805@yandex.ru

Abstract. Beliefs and rituals related to the commemoration of the dead are widespread enough among the Mordvinian people and have been studied by a number of ethnographers and ethnologists. However, the memorial cult has been no subject of any special research from this perspective. The bulk of data accumulated by scientists along with some new field materials make it possible to characterize the essence and reasons for the emergence of such beliefs and superstitions. The fundamental belief of the Mordva which serves the basis for the whole of the memorial ceremony is that souls of the dead can come from the other world to visit their relatives. So, the Erzya Mordvins believed that the soul of the deceased visited his/her relatives before the fortieth day after the burial, and to help it find the way home candles were to be kept burning. On the eve of the commemoration day people went to the cemetery and invited the soul of the deceased into the house. Before sitting down to the meal, relatives and the soul were supposed to visit a heated sauna. On the fortieth day (the ‘commemoration date’) and in some Mordovian settlements also on the third anniversary of death, relatives and friends prepared clothes for the deceased. E.g., for men such clothes included a new shirt, bast shoes, and a belt. On the eve of a funeral feast for the deceased those were laid out on a bench in the ‘red corner’ with a burning candle above for purification. After the memorial meal, close relatives took the clothes to the cemetery and spread them over the grave. In winter, when it was impossible to reach the churchyard with such clothes, those were spread on the porch of the house. And during storms those were laid in the anteroom. After the commemoration ceremony the clothes were given to a person who resembled the deceased person in appearances and character. According to popular beliefs, being subtly material, the soul of the deceased also needed food. Therefore, it was treated not only by family members but also by invited relatives. No one came to the house of the deceased with empty hands. The food they brought would be placed on a table in the front log house which was a means to please the deceased. Treating the newly-departed one relatives also regaled their ancestors. Each of them was invited to the table by name. On the days of Orthodox memorial services performed for the deceased right in the cemetery, the Mordvins arrange memorial feasts on the grave, and relatives to commemorate the deceased pretend that the deceased takes part in the meal. The deceased is treated to food and drinks, takes part in the conversation, and the grave is sprinkled with drops of drinks and dishes, with flat cakes put thereby. The reason for the emergence of such superstitions consists in the logical chain of belief in afterlife.

Keywords: soul, send for the deceased, commemoration, bathhouse, food, otherworldly world

У мордвы в прошлом, а в некоторых селах и в настоящее время, поминальный культ занимал одну из самых ведущих мест. Не было ни одного поселения или семьи, где бы не придерживались верований, обрядов, связанных с поминовением умерших. Поэтому эта тема не могла остаться в стороне у этнографов и этнологов.

Изучением этой сферы религиозных представлений занимались такие учёные, как И. Н. Смирнов, М. Т. Маркелов, Н. Ф. Мокшин [Смирнов 1895; Маркелов 1931; Мокшин 1968]. Отдельные стороны верований об умерших изучали: М. Е. Евсеев, Л. И. Никонова, Н. Г. Юрченкова, Г. А. Корнишина [Евсеев 1931; Никонова 2005; Юрченкова 2009; Корнишина 2011; Кемаев 2009]. Однако в свете поверий и суеверий поминальный культ отдельно не исследовался. Накопленная этнографами информация вместе с новыми полевыми материалами позволяет охарактеризовать их сущность и причины появления.

Самым, пожалуй, основополагающим поверьем мордвы, на котором строится весь массив поминального культа, является убежденность в том, что души умерших имеют возможность приходить из потустороннего мира к своим родственникам. Так, по представлениям эрзян после погребения душа умершего до сороковин навещала своих родных. Для того чтобы она смогла найти дорогу домой, в избе горели свечи [Корнишина 2008: 84].

В настоящее время в Кочкуровском районе Республики Мордовия ежедневно с наступлением сумерек и до утренней зари не выключают в одной из комнат электрическое освещение [ПМА: Мокшанкина; Акимова; Зорькина; Наумкина]. Вечером накануне поминок устраивают *кучмолият* (от эрз. слова *кучомс* 'посылать, отправлять, проводить'). К поминальному столу пекут пироги и блины, варят кашу и кисель, готовят различные блюда, заканчивают приготовление браги.

В настоящее время, перед тем как сесть ужинать, старшая в семье женщина, делая крестное знамение перед иконами на божнице, напоминает умершему, что завтра его память, и звала его вместе с почившими родственниками и знакомыми из потустороннего мира к поминальной трапезе поужинать [ПМА: Занкина; Наумкина].

В прошлом для приглашения души почившего ходили на могилу поминаемого.

Разложив съестные припасы на широкое холщовое полотенце или платок на краю могильного холма, звали умершего такими словами: «Встречай-ка, сыночек (называют имя), дорогой сыночек, да разделится надвое, сыночек, серебряная насыпь твоей могилы, да распадется на шесть, дорогой, из шести досок твой дом, да раскроются, сыночек, саваны, положенные с тобой, стань легче легкого хмеля, сделайся зелёной бабочкой, встань, дорогой сыночек, на вершину медного креста твоего, рассмотри, ненаглядный, как в поле, сыночек, плакучей березой качаюсь, без дождя мокну, дорогой сыночек, места себе не нахожу, в горячем огне горю, дорогой сынок-сыночек, садись с правой стороны от меня, давай поговорим-побеседуем, как, сынок-сыночек, после [например] шести недель, где тебя водили, что видели глаза твои, куда определили твою головушку, есть или нет, сыночек, у тебя призрак, было или нет, сыночек, у тебя свидание с братом, рассказал обо мне или нет...». После окончания причети обращались к умершему: «Собери, сынок, весь род за один стол, на один платок». Немного поев, почившему говорили: «Идём, сыночек, домой есть горячий суп» [Мокшин 2005: 101]. Немного из еды съедали, положив прежде всего несколько кусочков на могильный холм или на крест. Присутствовал почивший на поминках, по поверьям и суевериям, невидимым образом.

В некоторых сёлах невидимую душу отождествляли с так называемым заместителем умершего — человека, игравшего роль поминаемого. Его представлял обычно родственник или знакомый. И. И. Лажечников это действо описывал так: «Ждут гостя в деревню. Толпы народные движутся в нетерпении. Наконец, со стороны кладбища является он, верхом, нахлобучив шляпу на глаза. Тихо и недалеко проезжает он раз по улице, в другой раз рысью далее, в третий еще дальше во всю прыть. У крыльца одного дома хозяин, жена, сноха бросаются с криком на приезжего, останавливают лошадь за повод, хватают его самого и в радостном торжестве вводят в дом. Садится таинственный гость на большом месте, под святыми иконами, не скидая шляпы. Перед ним стол; накрытый скатертью браной, отягощенный различными яствами и стеклом с играющим пенником. Он не касается яств лакомых, не пьет радости из чары круговой. Около него, на скамьях, сидят друзья, род-

ные, собеседники. Он не заведет с ними разговора. Молодая женщина, небрежно повязанная платком, не смея на него взглянуть, стоит у дверей и горько рыдает. На него боязливо указывает мальчик, лет четырех, качая в люльке плачущего младенца, и приговаривает: «Нишни! Вот тебе даст тятя!» Старушка, всплеснув руками и опершись на них подбородком, вперила слезящиеся очи на таинственного пришельца. Кажется, они хотят высказать: «Гость наш желанный, где ты был так долго? Молви нам хоть одно слово ласковое, приветливое». Но гость молчит... Не разрешатся уста его, связанные печатью свинцовой. Кто же этот гость неразгаданный? Покойник – с того света. Уже недель шесть, как простились с ним мать, жена, брат и дети; уже шесть недель, как спеленали его в саван белый, заколотили в домовище и зарыли глубоко в мать-сыру землю; но он в урочный час разорвал оковы тесовые, разрыл землю, его тяготившую, и приехал погулять по белому свету, подышать свежим воздухом, посидеть с родными и друзьями и потом проститься с ними уже прощанием вечным. Только через шесть недель после смерти, и то не более дня, дозволено покойнику приходить в здешний мир в телесной одежде; с закатом солнца он сбрасывает ее навсегда и после того не иначе может явиться в этот мир» [Лажечников 2008: 70–71].

Из глубокой седой старины осталось упоминание о том, что мордва в былые времена поминала своих усопших только два раза в год: один раз осенью, второй раз весной. Спать в эту ночь родным не полагалось. Наутро после празднества мордва имела обыкновение гулять друг с другом, веря, что с ними вместе веселились и их усопшие предки. В явное доказательство их присутствия они брали с собой их украшения или предмет одежды. Люди были уверены, что духи предков, погуляв с родственниками, отправлялись обратно на место вечного упокоения. Вся деревня после поминок до захода солнца отправлялась приветствовать души умерших. Взяв с собой самые лучшие яства, ехала на лошади до кладбища. Разложив пищу на могилу, просили недавно умершего угостить и ранее почивших. Воздав должное одному усопшему, шли на могилу другого. Поминали своих родных так всю ночь. Возвращалась мордва домой только рано утром [Harva 1952: 96].

По суеверным представлениям не смели души предков войти в дом, коли женщина в избе ходила босиком [Устно-поэтическое творчество... 2003: 246]. Явным свидетельством присутствия в жилище умерших являлись вошедшие в избу куры, которых не выгоняли, видя в них олицетворение покойников [Устно-поэтическое творчество... 2003: 246].

По мордовским представлениям душа человека наделялась тонкой сверхчувственной материей. Поэтому по поверьям она способна чувствовать голод, жажду, нуждалась в одежде и т.д.

В настоящее время в некоторых мордовских селах, так же как и в старину, поминовение умерших начинают с посещения бани. В тех семьях, где её не было, мылись в протопленной печи. Первым в баню «отправляли» душу поминаемого: «Авакай, можо каргоцькадсть одежат? Ёрынь-арынь тетя полавтомат, авакай. Лембе баня мон уштынь. Азё, авакай, шляка-нардака. Бабат, азядоя тынь баняв, шкинень авань шлика-нардынка. Кото недляс карготькстасть» («Матушка, может, запачкалась твоя одежда? Я приготовила-принесла тебе чистую одежду, моя матушка. Тёплую баню натопила тебе. Иди, матушка, помойся-искупайся! Бабоньки, идите-ка вы в баню, мою родную матушку помойте-искупайте. Шесть недель, она как не мытая!») [Устно-поэтическое творчество... 1972: 92–98].

В с. Оркино Саратовской губернии «когда умрёт человек, его похоронят и устроят по нём поминки; пройдёт два дня, а накануне третьего дня в ночь с вечера топят баню. Народ соберётся, парятся там, сначала мужчины, затем женщины, а после всех останется старая старушка, и та старушка возьмёт рубашку покойника, и возьмёт нож, и возьмёт грош. Бросит она рубашку на пол через порог и станет брать: в левую руку возьмёт грош, а в правую нож; нагнётся над рубашкой и станет причитать: „Дмитрий (если имя покойника Дмитрий или какое имя у покойника, так и назовёт), приди попариться, вымой-вытри ручки-ножки, позови с собой прадедушек-прабабушек, для них ты топил, и они также тебя позовут; зови упрашивая, ты новый пришелец и житель. А вы, прадедушки-прабабушки, не гордитесь, послушайте его просьбу, примите его в вашу среду, придите вместе мыться и вытираться“. Вот она начнёт звать каждого по имени; кто ему ближе всех родня, имена тех она пере-

берёт прежде всех... И начнёт причитывать, сколько вспомнит, называя каждого родственника покойника по имени. Наконец, и своих родственников... Опять начнёт звать каждого, кого вспомнит, по имени... Потом она положит на полку комель в ту сторону. В корыточко нальёт воды, положит ковшичек черенком в воду. Начнёт кланяться и говорить: „Ну, прадедушки-прабабушки, приходите все-все-все, а затем приходите есть хлеба-соли“ и пойдёт в тот дом, где умер человек» [Шахматов 1910: 61–63].

На Страстную седмицу топили баню предков — «атянь баня» и призывали париться умерших прародителей, мужчины — мужчин, женщины — женщин. На полке готовили для них отдельно тёплую воду и веник. Каждый из моющихся, начиная париться или мыться, предлагал сделать тоже самое и предкам [Евсеев 1931: 31].

А. А. Шахматов в «Мордовском этнографическом сборнике» пишет, что «накануне родительского дня также топят бани и ходят париться и призывают дедушек и бабушек, и я слышал от многих, что в эту ночь видят, как приходят в баню париться; все приходят по парно, все в белом; кто приходит, кто уходит; и таким образом они приходят и уходят до пения петухов. Как запоёт петух, то тогда они сразу исчезают» [Шахматов 1910: 70].

На сороковины, годовщину, а в некоторых мордовских селениях и на третий год после смерти родные и близкие готовили одежду для почившего (эрз. *азомань одежат*, от слов *азомс* ‘обещать’ и *одежат* ‘одежда’). Для мужчин, например, готовили новую рубаху, лапти с оборами, пояс. Они раскладывались накануне поминок для усопшего на лавке, в красном углу, проводили по-над ними горячей свечой, тем самым очищая их.

После поминальной трапезы эту одежду близкие родственники переносили на кладбище и расстилали на могилу. Зимой, когда на погост с одеждой нельзя было пройти, то их расстилали на крыльце дома. Во время бурана они расстились в сенях [ПМА: Крамойкина]. После поминок одежда отдавалась человеку, кто больше походил на покойного при жизни внешностью и характером.

И. Н. Смирнов сороковины описывает так: «В с. Шадые Инсарского уезда пир происходит без участия лица, которое бы изображало покойника. Он выступает на

сцену только по окончании домашней поминальной трапезы, когда поминающие с остатками яств отправляются на кладбище. Здесь на могиле умершего раскладывается одежда в том порядке, в котором он носил её при жизни, и на разостланной скатерти для него устанавливаются все принесённые кушанья» [Смирнов 1895: 180].

Душа умершего, имея некую тонкую материальность, по поверьям нуждалась в еде. Поэтому угощали его не только домашние, но и приглашённые родственники. Никто не приходил в дом покойного с пустыми руками. Принесённую с собой еду ставили на стол в передней избе, тем самым родственники хотели угодить покойному. Угощая новопреставленного, родные не забывали потчевать у стола покойного и умерших предков. Их приглашали к столу, перечисляя поимённо. В настоящее время для этого приглашённые родственники приносят поминания.

На поминальной трапезе, кроме всех прочих блюд, обязательными считаются суп, гречневая и/или гороховая каша и кисель. В настоящее время после того, как на стол подают суп, обязательно поют «*Отче наш...*». По словам мордвы, этим «*ки панжомс эряви*» (эрз. «дорогу открыть надо»). Перед кашей поют «*Богородице, Дево, радуйся...*». Причём съесть кашу требуется всю: «*сэвема кашась весе, а то ламо кадови тензэ* [кулыцантень] *кочксемс*» (съесть кашу надо всю, а то много останется ему [поминаемому] собирать). Перед киселем поётся «*Вечная память*». [ПМА: Мокшанкина; Зорькина; Наумкина]

«В с. Савкине [Саратовской губернии] существует обычай... В те дни, когда по обычаю православной церкви, совершаются панихиды по покойникам прямо на кладбище, мордва делает поминки на могилах, причём тесный круг родственников, поминающих покойника на его могиле, делает вид, что и тот принимает участие в обеде. Покойника угощают и беседуют с ним, отливая из каждого блюда в могилу часть его содержимого (брагу и пр.), а на могилу кладут лепёшки» [Маркелов 1922: 136].

Среди саратовской мордвы бытовал и такой суеверный обычай: «Если умирал мужчина, то летом во время жнитва, на долю умершего оставляют несжатой около одной сажени полоску (на женщину просо или коноплю, или лён), так как покойник на том свете захочет есть и если не оставить для

него хлеба, то он должен быть голодным. Дня через три, две старушки с двумя-тремя малолетками с брагой и стряпнёй идут на загон, чтобы сказать покойнику, что на него оставили хлеб. Придя на загон, называют по имени умершего: «Вана покштей, Вере пазысь тондят пары тарка, минь сыник ёфтамс, шты минь тондят кадыник розь, ваныда иля аште, иля меляфт чи ютазь сатана, нусынек тондеть, а ней караулик» затем садятся едят, пьют и уходят. После этого в назначенный день собирают родню и идут на загон жать, оставленный для покойника хлеб. Приезжают на 2–3 подводах. Берут стряпню — брагу, мёд и проч. Сжав хлеб, начинают поминать покойника, напиваются часто пьяными и трогаются в обратный путь; подводы едут впереди, а публика идёт сзади с песнями и пляской — это значит, что не велел скучать, а велел жить весело с песнями и пляской» [Маркелов 1922: 135].

В настоящее время поминальный обряд является одним из самых сохранившихся. Характерными и основополагающими его поверьями и суевериями являются: возможность душ умерших приходить из потустороннего мира к своим родственникам, мыться в бане и есть приготовленную и принесённую пищу. Причина их появления — продолжение логической цепочки уверенности в продолжении жизни человека после смерти. Начиная с последней четверти XX в. эти поверья и суеверия стали сдавать свои позиции — соблюдается внешняя форма без его содержания, наблюдается некоторая условность в их исполнении.

Полевой материал автора /

Author's Field Data

Акимова Марфа Ивановна, 1936 года рождения, жительница с. Новая Пырма Кочкуровского района Республики Мордовия. Запись 2016 г. [Marfa I. Akimova, b. 1936, Novaya Pyrma, Kochkurovsky District, Republic of Mordovia. A recording of 2016].

Занкина Ангелина Харитоновна, 1936 года рождения, жительница с. Кендя Ичалковского района Республики Мордовия. Запись 2008 г. [Angelina Kh. Zankina, b. 1936, Kendya, Ichalkovsky District, Republic of Mordovia. A recording of 2008].

Зорькина Елена Семеновна, 1942 года рождения, жительница с. Новая Пырма Кочкуровского района Республики Мордовия. Запись

2016 г. [Elena S. Zorkina, b. 1942, Novaya Pyrma, Kochkurovsky District, Republic of Mordovia. A recording of 2016].

Крамойкина Прасковья Кузьминична, 1930 г. р., жительница с. Новая Пырма Кочкуровского района Республики Мордовия. Запись 2007 г. [Praskovya K. Kramoykina, b. 1930, Novaya Pyrma, Kochkurovsky District, Republic of Mordovia. A recording of 2007].

Мокшанкина Татьяна Павловна, 1922 года рождения, жительница с. Кочкурово Кочкуровского района Республики Мордовия. Запись 2002 г. [Tatyana P. Mokshankina, b. 1922, Kochkurovo, Kochkurovsky District, Republic of Mordovia. A recording of 2002].

Наумкина Надежда Васильевна, 1937 года рождения, жительница с. Семилей Кочкуровского района Республики Мордовия. Запись 2015 г. [Nadezhda V. Naumkina, b. 1937, Semiley, Kochkurovsky District, Republic of Mordovia. A recording of 2015].

Литература / References

Евсевьев 1931 — *Евсевьев М. Е.* Эрзянь-рузонь валкс. М., 1931. 227 с. [Evseyev M. E. *Erzyan'-ruzon' valks* [An Erzya-Russian dictionary]. Moscow, 1931. 227 p.].

Кемаев 2009 — *Кемаев Е. Н.* Изучение некротосферы древней мордвы: в поиске новых путей // Вест. НИИ гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2009. № 2. С. 133–142. [Kemaev E. N. Investigating the necrosphere of ancient Mordvins: in search of new paths. *Vest. NII gumanitarnykh nauk pri pravitel'stve Respubliki Mordoviya*. Saransk. 2009. No. 2. Pp. 133–142].

Корнишина 2008 — *Корнишина Г. А.* Экологические воззрения мордвы (религиозно-обрядовый аспект): монография. Саранск: изд-во Мордовского ун-та, 2008. 156 с. [Kornishina G. A. *Ekologicheskie vozzreniya mordvy (religiozno-obryadovyy aspekt): monografiya* [Ecological beliefs of the Mordvins (religious and ceremonial aspects)]. Saransk: Mordovia State Univ., 2008. 156 p.].

Корнишина 2011 — *Корнишина Г. А.* Традиционно-обрядовая культура в системе мордовского этноса: структура, субъекты, составные компоненты. Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG. Germany. 2011. 371 с. [Kornishina G. A. *Traditsionno-obryadovaya kul'tura v sisteme mordovskogo etnosa: struktura, sub'ekty, sostavnye komponenty* [Traditional and ceremonial culture within the

- system of the Mordvinian ethnos: structure, subjects, components]. Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG. Germany. 2011. 371 p.].
- Лажечников 2008 — Лажечников И. И. Некоторые поверья мордвы / Литературный процесс: история и современность / Отв. ред. и сост. В. А. Юрченко; НИИ гуманитарных наук при правительстве РМ. Саранск, 2008. 232 с. [Lazhechnikov I. I. *Nekotorye pover'ya mordvy* [Some beliefs of the Mordvins]. *Literaturnyy protsess: istoriya i sovremennost'*. [The literary process: past and present]. V. A. Yurchenkov (ed.). Saransk: Humanities Research Institute, 2008. 232 p.].
- Маркелов 1931 — Маркелов М. Т. Культ умерших в похоронном обряде волго-камских финнов (мордва, мари, вотяки) // Религиозные верования народов СССР. М.; Л., 1931. Т. 2. С. 269–281. [Markelov M. T. The cult of the dead in the burial rites of the Volga-Kama Finns (Mordva, Mari, Votyaks). *Religioznye verovaniya narodov SSSR*. Moscow, Leningrad, 1931. Vol. 2. Pp. 269–281].
- Маркелов 1922 — Маркелов М. Т. Саратовская мордва (этнографические материалы) // Саратовский этнографический сборник / под ред. Б. М. Соколова. Саратов, 1922. Вып. I. 238 с. [Markelov M. T. *Saratov Mordvins (ethnographic materials)*. *Saratovskiy etnograficheskiy sbornik* [Saratov Ethnographic Omnibus]. B. M. Sokolov (ed.). Saratov, 1922. Iss. I. 238 p.].
- Мокшин 2005 — Мокшин Н. Ф. Мордва и вера / Н. Ф. Мокшин, Е. Н. Мокшина. – Саранск: Мордовское кн. изд-во, 2005. 532 с. [Mokshin N. F. *Mordva i vera* [The Mordva and faith]. Saransk: Mord. Book Publ., 2005. 532 p.].
- Мокшин 1968 — Мокшин Н. Ф. Религиозные верования мордвы. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1968. 160 с. [Mokshin N. F. *Religioznye verovaniya mordvy* [Religious beliefs of the Mordvins]. Saransk: Mord. Book Publ., 1968. 160 p.].
- Никонова, Кандрина 2005 — Никонова Л. И., Кандрина И. А. Как лечились народы Поволжья и Приуралья. Саранск, 2005. 213 с. [Nikonova L. I., Kandrina I. A. *Kak lechilis' narody Povolzh'ya i Priural'ya* [Peoples of the Volga River and the Urals: healing practices]. Saransk, 2005. 213 p.].
- Смирнов 1895 — Смирнов И. Н. Восточные финны. Историко-этнографические очерки. Т. 1. Приволжская, или Булгарская группа. Ч. 2. Мордва // Казань, Типография Императорского Университета, 1895. 266 с. [Smirnov I. N. *Vostochnye finny. Istoriko-etnograficheskie ocherki. T. 1. Privolzhskaya, ili Bulgarskaya grupa. Ch. 2. Mordva* [The eastern Finns. Historical and ethnographic sketches. Vol. 1. The Volga (Bulgar) group. Part 2. The Mordva]. Kazan: Kazan Imperial Univ., 1895. 266 p.].
- Устно-поэтическое творчество 1972 — Устно-поэтическое творчество мордовского народа. В 8-ми т. Т. 7. Ч. 1-я. Эрзянские причитания-плачи // Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1972. 374 с. [*Ustno-poeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda. V 8-mi t. T. 7, ch. 1-ya. Erzyanskije prichitanija-plachi* [Mordvinian folk poetry. In 8 vol. Vol. 7. Part 1. Erzya mourning wails (texts)]. Saransk: Mord. Book Publ., 1972. 374 p.].
- Устно-поэтическое творчество 2003 — Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 12: Народные приметы мордвы. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 2003. 320 с. [*Ustno-poeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda. T. 12: Narodnye primety mordvy* [Mordvinian folk poetry. Vol. 12. Folk sayings of the Mordvins]. Saransk: Mord. Book Publ., 2003. 320 p.].
- Шахматов 1910 — Шахматов А. А. Мордовский этнографический сборник. СПб, 1910. 848 с. [Shakhmatov A. A. *Mordovskiy etnograficheskiy sbornik* [Mordvinian ethnographic omnibus]. St. Petersburg, 1910. 848 p.].
- Юрченкова 2009 — Юрченкова Н. Г. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформация. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 2009. 412 с. [Yurchenkova N. G. *Mifologiya mordovskogo etnosa: genezis i transformatsiya* [Mythology of the Mordvinian ethnos: genesis and transformation]. Saransk: Mord. Book Publ., 2009. 412 p.].
- Harva 1952 — Harva U. *Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen* [Religious beliefs of the Mordvins]. Helsinki. 1952. 456 p.

Поверья и суеверия мордвы в обрядах поминовения усопших

Иван Иванович Потапкин¹

¹ аспирант, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (Саранск, Российская Федерация). E-mail: Ian-2805@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу такого явления духовной культуры мордовского народа, как культ поминовения усопших. Автор на основе этнографических источников, устных полевых материалов и этнологической литературы разбирает поверья и суеверия после погребального периода, их сущность и причину появления для того, чтобы более углубленно осмыслить ряд общих проблем, связанных с их становлением в общественном сознании.

По представлениям эрзян после погребения душа умершего до сороковин навещала своих родных. Для того чтобы она смогла найти дорогу домой, в избе горели свечи (а ныне могут оставлять электрический свет на ночь в одной из комнат).

Поминальные обряды сорокового дня начинали с посещения бани, в которую приглашали и почившего. Покойному готовили одежду, которую раскладывали на алтаре, а затем расстилали на могиле либо перед домом на крыльце или в сенях, если не позволял зимний буран. Эту одежду затем передавали родственнику, наиболее похожему на погребенного внешним видом и характером. По верованиям мордвы, душа умершего, обладающая некоторой тонкой материальностью, нуждалась в еде, и ее «кормили», не только приготовив еду в доме, но и принося припасы в дом умершего, где покойного «приглашали за стол». Если поминальные службы выполнялись на кладбище у могилы, то по мордовскому обычаю здесь же имитировали обрядовую трапезу, в которой как бы участвовал умерший: с ним разговаривали, и ему отделяли часть пищи. В настоящее время поминальный обряд является одним из самых сохранившихся. Характерными и основополагающими его поверьями и суевериями являются: возможность душ умерших приходить из потустороннего мира к своим родственникам, мыться в бане и есть приготовленную и принесенную пищу. Причина их появления — продолжение логической цепочки уверенности в продолжении жизни человека после смерти.

Ключевые слова: душа, посылать за умершим, поминовение, баня, еда, потусторонний мир